ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/ 2078-8975-2021-23-1-44-51

Check for updates

оригинальная статья
УДК 902

Нож и пояс: опыт анализа сейминско-турбинского бронзового оружия

Юрий Иннокентьевич Михайлов
Научно-производственное объединение «АрхеоПолис», Россия, г. Кемерово
kerbalyk@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.03.2021. Принята к печати 26.03.2021.

Аннотация: Бронзовый нож из могильника у д. Ростовка был обнаружен в могиле под костями черепа ребенка 9–10 лет. В кротовских погребениях некрополя Сопка-2/4Б в двух случаях кинжалы находились под костяками ребенка и мужчины. Возможно, эта ритуальная особенность была связана с особым способом размещения (на шее за спиной), который магически обеспечивал неуязвимость владельца. Сходной функцией наделялись ожерелье и пояс. Традиция поясного крепления клинкового оружия для сейминско-турбинского хронологического горизонта реконструирована весьма условно. В коллекциях сейминско-турбинских изделий неизвестны предметы поясной гарнитуры. Возможно, пояса были шерстяными. Различные приемы ткачества установлены по материалам синташтинских и петровских комплексов. Детали художественных изображений на сейминско-турбинских ножах позволяют предполагать, что обрядовая практика пополнилась новой атрибутикой и соответствующими магическими приемами.

Ключевые слова: выгнутообушковый нож, бронзовый кинжал, клинковое оружие, бронзовые изделия, ткацкий станок, магический прием

Цитирование: Михайлов Ю. И. Нож и пояс: опыт анализа сейминско-турбинского бронзового оружии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 44–51. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-44-51

Введение

Для выгнутообушкового ножа из могильника Ростовка и подобных ему сейминско-турбинских бронзовых изделий исследователи пользуются определением *оружие «княжеского» ранга* [1]. Данная характеристика свидетельствует о том, что актуально-историческое содержание этой категории художественно оформленных престижных изделий воспринимается как прочно установленное. Указанное обстоятельство с необходимостью заставляет вернуться к собственно археологическому контексту и еще раз проанализировать хорошо известные факты. В связи с этим особый интерес представляет обрядовый сценарий, в соответствии с которым бронзовый нож из могильника у д. Ростовка был обнаружен в могиле под костями черепа ребенка 9–10 лет [2, с. 8].

Этот прием размещения престижного оружия в погребении ребенка может быть сопоставлен с данными, полученными в ходе исследования некрополя бронзового века Сопка-2/4Б. В трех погребениях этого могильника (могила 420 – мужчина 20–30 лет; могила 425 – 1–1,5 лет; могила 443 – 14–15 лет), которые были компактно расположены в западной части погребального поля, обнаружены цельнолитые бронзовые кинжалы. В двух случаях кинжалы находились под костяками ребенка и мужчины. По мнению В. И. Молодина, с ребенком находился лучший из них, который никак не мог быть игрушкой [3, с. 4–11]. В качестве возможного объяснения данной обрядовой особенности привлечено свидетельство из дальневосточной традиции, согласно которому местоположение кинжалов соответствует способу ношения оружия в обрядах Дадао, когда меч помещали на спине, рукоятью вверх. Этот прием позволял скрывать оружие от противника или метать его из-за спины [4, с. 100]. Приведенное сопоставление представляет несомненный интерес и заслуживает детального анализа, особенно в связи с перспективой обнаружения истоков формирования сейминско-турбинских бронз и цельнолитых кинжалов в Синьцзяне [5].

Поскольку цельнолитые кинжалы относятся к двулезвийному оружию, обратим внимание на следующее: в отличие от цзянь – двулезвийного оружия, под *дао* понимаются однолезвийные клинки. В одном из смысловых контекстов понятие *дао* означает «то, что полностью разрубает», хотя существуют и иные толкования [6, с. 28]. В целом оно используется применительно к однолезвийному, как правило, изогнутому оружию, причем способы применения этого оружия достаточно разнообразны: длиннодревковое – гуаньдао, двуручное – дадао (большой меч), поясное или портупейное – пэйдао, нювейдао. Мечи *дао* с кольцевидным навершием рукояти широко использовались в Китае в VII–XII вв. н. э. После монгольского завоевания у оружия появился сабельный изгиб и кочевая традиция поясного ношения – на левом боку. В эпоху Мин двуручные сабли дадао заменили прямые мечи. Значительно позднее дадао,

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-44-51

оснащенные длинной рукоятью с большим кольцевидным навершием, носили в ножнах за спиной ихэтуани. Длинная рукоять обеспечивала удобный хват двумя руками, а веревочная петля, продетая через кольцо, не позволяла потерять оружие во время боя. Техника боя сводилась к двум основным ударам. Первый – по диагонали снизу – отбивал оружие противника, а второй (обратный) – разрубал противника от плеча до груди (об этой технике см. [7, с. 149]).

Выгнутообушковые ножи

На данный момент есть фактические свидетельства, позволяющие по достоинству оценить тактико-технические возможности сейминско-турбинского оружия. В прииртышской коллекции бронзовых изделий отметим массивный кинжал с кольцевидным навершием рукояти. Это изделие имеет двойные орнаментированные долы на каждой из плоскостей клинка. Прием орнаментации клинка был также использован и для выгнутообушкового массивного ножа с навершием рукояти в виде парных фигурок лошадей из той же коллекции. Бронзовая рукоять последнего имеет углубление, разделяющее эти фигурки [8, с. 65, рис. 15]. Указанную морфологическую деталь можно рассматривать как особое техническое приспособление, благодаря которому рукоять ножа наделена своеобразными «ушами». Они позволяют более уверенно удерживать ее в руке и во время рубящего удара компенсируют действие центробежной силы. Подобными специфическими расширениями («ушами») наделены, например, рукояти ятаганов, которые, подобно сейминско-турбинским ножам, имеют вогнутый клинок. Судя по всему, конструкция рукояти выгнутообушкового ножа из прииртышской коллекции – одна из новаций сейминско-турбинских оружейников.

Вогнутый клинок, или клинок с обратным изгибом, хорошо известен в истории холодного оружия. В качестве наиболее ярких примеров можно привести древнегреческий копис и непальский боевой нож кукри, которые позволяли наносить мощные рубящие удары. Обратный изгиб массивного клинка у сейминско-турбинских ножей превращал их в эффективное оружие, но, возможно, не менее существенное значение имели параметрические характеристики не только клинка, но и рукояти. Длина рукояти омского ножа без навершия составляет 7,7 см [8, с. 65]. В свою очередь, длина рукояти ножа из Ростовки – 9,5 см [9, с. 121]. По мнению И. В. Ковтуна, рукоять этих изделий просто мала для кисти [10, с. 211, 212].

Совокупность конструктивных особенностей ростовкинского и омского ножей (небольшая длина рукояти, уступ пятки клинка и уступы опорных площадок фигурных наверший) можно рассматривать как адаптацию оружия к особой технике рубящего удара. Скорее всего, они не случайно снабжены небольшой по размерам рукоятью. Конструктивное оформление маленьких рукоятей индийских тальваров [11, с. 186–188] препятствовало любому движению запястья, усиливая силу реза и рубящего удара. При зафиксированном запястье удар производится с помощью мышц плеча и спины, причем сам удар получается не только рубящим, но и режущим. Отрубленные одним ударом тальвара головы и руки демонстрировали технику секущих движений, которая поразила европейцев, и бытовавший в XIX в. миф о маленьких индийских руках так и остался вымыслом.

В этом контексте показательна профессиональная характеристика бронзового меча из собрания Лувра. Согласно компетентному мнению исследователя, форма рукояти меча напоминает рукояти индийских сабель. Клинок суживается перед входом в рукоять для того, чтобы дать место указательному и среднему пальцам. Поскольку рукоять охватывали только тремя пальцами, она могла быть очень короткой. «Таким образом, величина рукояти в этом случае должна быть объяснена способом держания оружия в руке, а не величиной последней, как думали некоторые археологи» [12, с. 43]. Возможно, размеры рукоятей сейминско-турбинских ножей также связаны с особой техникой хвата. Завершая этот аспект оружиеведческой проблематики, отметим, что использование коротких рукоятей для клинкового оружия – явление универсальное, которое в каждом конкретном случае было обусловлено потребностями, далеко не всегда понятными исследователям. «У египетских образцов часто можно видеть странную рукоять: очень короткую, настолько, что на ней не умещается ладонь, у ручки большое плоское округлое навершие с двумя отверстиями. Как держали в руках эти кинжалы, как пользовались ими – до сих пор загадка» [13, с. 17].

Сейминско-турбинские выгнутообушковые ножи с декоративными навершиями демонстрируют различные проективные решения, которые обеспечивали эффективность рубящего удара. Обратим внимание на то, что клинок ростовкинского ножа с лыжником заметно расширяется ближе к несохранившемуся острию. Считается, что подобная особенность клинка с обратным изгибом связана с правильным распределением его веса. Благодаря этому он наносил рубящие удары с импульсом топора. Подобная геометрия клинка древнегреческого кописа – обратный изгиб и расширенный к острию боевой конец – также приближала его к топору по балансу. Изгиб рукояти и расширение клинка выделяют ростовкинский нож в ряду подобных изделий, но вместе с тем указывают на основную функцию этого вида оружия – нанесение рубяще-режущих ударов. В пользу того, что они могли наноситься от плеча с разворотом корпуса и использованием энергии мышц всего плечевого пояса, свидетельствует фигурка лыжника. Видимо отнюдь не случайно мастер из Ростовки смоделировал рельефные лопатки и мощную правую руку, которая натягивает повод упряжного коня.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-44-51

Пояс, ожерелье и перевязь

Относительно вероятных способов крепления сейминско-турбинских выгнутообушковых ножей и кинжалов пока можно только догадываться. Тем не менее пояс у фигурки ростовкинского лыжника указывает на один из возможных путей объективной реконструкции. В исследовательской перспективе несомненный интерес представляют стилизованные изображения голов медведя из обожженного капа, обнаруженные в комплексах могильников Сопка-2/4 и Абрамово-11 [14; 15, рис. 3]. Эти изделия использовались в качестве поясных пряжек [16]. Идентичные предметы из капа найдены в двух погребениях могильника Крохалевка-5 [17, рис. 1, *3*]. В связи с этим возникает вопрос, почему два цельнолитых кинжала из могильника Сопка-2/4Б обнаружены под костяками мужчины и ребенка? Обратим внимание на один вероятный аспект этой проблемы.

Е. А. Гуревич специально проанализировала два эпизода, в которых героя от смертельного удара спасает нож, подвешенный на шее за спиной (Сага а Халльфреде Трудном Скальде (гл. 7) и Сага о людях из Речной Долины (гл. 19)). Очевидно, что в обоих случаях нож на шее выступает в качестве оберега. Вероятно, описанный способ размещения ножа диктовали особые обстоятельства, поскольку традиционно его носили на поясе [18]. Универсальная охранительная символика пояса тесно связана с его расположением на теле владельца [19]. Обернутый вокруг талии, он делил телесную вертикаль и одновременно служил границей, отделявшей тело от внешнего враждебного пространства. Подобно этому защитные функции выполняли расшитый ворот одежды и ожерелье.

В могильнике Сопка-2/4А (погребение 569) обнаружено ожерелье из бус, в состав которого входили каменные изображения медведя и его головы [20, рис. 177, *3, 4*]. В неординарном женском погребении из окуневского могильника Карасук II (могила 3) обнаружены роговые подвески в виде изображений медведя и двух головок этого животного, а также роговая бусина [21, с. 78–83, рис. 4, *4, 6, 7, 8*]. Скорее всего, эти изделия входили в состав ожерелья. Каменные подвесные фигурки медведя и птицы обнаружены вместе с каменными бусами в разрушенном погребении у с. Утинка [22]. «Медвежьи» пояса и ожерелья демонстрируют вероятное семантическое родство и особую роль в охранительной символике. В ростовкинском погребении, вместе с вертикально помещенным ножом под черепом ребенка, найдено ожерелье из каменных бусин (нефрит, бирюза), двух бусин растительного происхождения и бронзовой фигурки птички [10, с. 201–209]. Нож с опоясанным лыжником и ожерелье очерчивают круг наиболее значимых атрибутов, охранявших владельца при жизни и после смерти. Таким образом, расположение кинжалов в погребениях из могильника Сопка-2/4Б, возможно, было связано с особым способом размещения (на шее за спиной), который магически обеспечивал неуязвимость владельца. Подобно этому в качестве оберега мог служить просверленный мраморный диск, помещенный под тазовыми костями женщины 14–15 лет, просверленный зуб медведя, найденный в заполнении могилы № 65 могильника Сопка-2/4Б [23, с. 52, 53]. Исследователи неоднократно отмечали, что подвешенные к поясу клыки медведя служили оберегами [24, с. 128; 25, с. 139]. В связи с этим показательно, что ханты и коми на мужских поясах крепили их со стороны спины.

В могильниках Сопка-2 и Абрамово-11 пояса находились в расстегнутом состоянии [20, с. 170, 171]. Установленная особенность обрядового сценария позволяет предполагать существование ритуала опоясывания, связанного с наступлением зрелости и обретением должной физической мощи. В этногенетических преданиях необычайная сила героя и пояс тесно связаны в сюжетах обретения верховной власти. Скьёльд – внук первого короля Дана – связал на охоте огромного медведя собственным поясом, т. к. под рукой не оказалось копья. Это героическое деяние и другие проявления его природных способностей были столь убедительны, что после него датские короли стали называться одним общим именем Скьёльдунги [26, 1.3.1]. Еще раньше младший из трех братьев с эпонимом Скиф, сумевший натянуть тетиву лука, оказался достоин отцовского пояса с золотой чашей [27, с. IV, 9, 10]. Массивный ростовкинский нож с фигуркой лыжника, натягивающего повод мощного коня, мог выступать главным атрибутом в гипотетическом ритуале опоясывания. В могильнике Елунино I с крупным мужчиной высокого роста поместили нож, точило и сосуд [28]. Рукоять бронзового ножа украшена изображением головы коня с пышной гривой. Если предполагать, что нож и точило крепились к поясу (как это позднее изображали на оленных камнях), то сосуд мог быть еще одним важным атрибутом в ритуалах обретения власти и последних проводов ее обладателя.

Позиция «оселка» в комплексе – перпендикулярно клинку ножа, а также высокое качество исполнения и изящная форма этого изделия позволяют со всей осторожностью высказать следующее предположение: «точило» могло быть накладной деталью ножен, а выемки с двух сторон этого изделия позволяли подвешивать ножны к поясу. Это предположение, возможно, удостоверяют находки из карасукских комплексов в курганах 1 и 2 могильника Бейская Шахта. В установленных случаях поперек клинка ножа в районе гарды лежала сдвоенная бляшка с рифленой перемычкой [29, с. 160, рис. 1]. В могильнике Кюргеннер I (курган 28, могила 1) обнаружена бронзовая накладка на кожаные ножны. Верхняя кромка рамки этого изделия оформлена в виде аналогичной сдвоенной бляшки [30, с. 58, рис. 34, *1, 2*]. В карасукских погребениях ножи вместе с шилом обычно помещали с мясной пищей («столовый прибор»), но в более редком варианте они обнаружены на правом крыле таза или рядом с ним [30, с. 57].

Ножи с грибовидной шляпкой, подобные тому, что был обнаружен вместе с накладкой на ножны в могильнике

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-44-51

Кюргеннер I, появляются на втором этапе карасукской культуры вместе с ножами с зооморфными навершиями рукояти. Их аналогии известны в погребениях Северного Китая и на оленных камнях Монголии [31, с. 413]. В бейском комплексе нож с грибовидным навершием и сдвоенная бляшка – накладка на ножны – обнаружены вместе с «пряжкой колесничего» (ПНН). Твердо установлено, что упрощенные экземпляры этого колесничного атрибута бытуют вплоть до скифского времени [32]. Поэтому существенно, что нож из Елунино I изначально рассматривался в рамках колесничной символики [33].

Факты размещения кинжалов за спиной позволяют допускать использование перевязи. Поэтому следует признать, что традиция поясного крепления клинкового оружия для сейминско-турбинского хронологического горизонта реконструирована весьма условно. Это объясняется не только малым числом достоверных фактических свидетельств. Оружие с высоким социальным статусом, соответственно, обладало особым ритуальным статусом, который мог определять тот или иной способ размещения оружия в погребальном комплексе. Выгнутообушковый нож из могильника Ростовка был воткнут в грунт вертикально под черепом ребенка. В могильнике Цыганкова Сопка 2 один выгнутообушковый нож находился под черепом погребенного, а второй сходный экземпляр располагался поверх локтевых костей правой руки и плечевой кости левой руки [28, с. 113, 114]. В «шаманском» погребении могильника Боровлянка-XVII (могила 103) бронзовый нож со слабым изгибом обушка был помещен поверх нагрудника [34, с. 58]. О вероятной связи выгнутообушкового ножа с поясом объективно свидетельствует лишь погребение в могильнике у д. Ростовка (могила 29), где цельнолитой нож с рукоятью без навершия находился на тазовых костях мужчины 35 лет перпендикулярно позвоночному столбу [2, с. 40, рис. 49]. Эту обрядовую ситуацию можно рассматривать как свидетельство существования традиции поясного крепления, возможно, на горизонтальном или диагональном подвесе рукоятью, судя по рисунку, вправо лезвием вниз. Данный вариант крепления, скорее всего, предполагает хват рукояти правой рукой, а не левой, как представлено в популярной реконструкции [35, рис. 15].

В имеющихся коллекциях сейминско-турбинских изделий пока нет уверенно атрибутированных предметов поясной гарнитуры. Возможно, пояса были шерстяными. В Турбинском I могильнике, с которым, скорее всего, связан выгнутообушковый нож с изображениями баранов, медный вислообушный топор (могила 1) и медный кельт (могила 62) были обернуты в шерстяную ткань [36, с. 27, 36]. Поэтому, возможно, не случайно пятку клинка турбинского ножа с баранами украшает «жгутовой» мотив [36, рис. 113]. В пользу того, что пояса могли быть ткаными, свидетельствует следующий факт. На сейминском выгнутообушковом ноже с фигурками лошадей в верхней части лезвия сохранились следы прилегавшей к ножу тонкой плотной ткани [37, с. 102]. Отпечатки подобной ткани полотняного переплетения есть на петровских сосудах [38, с. 156]. Ажурную рукоять сейминского изделия украшает ромбическая решетка, которая символически соответствует мотиву плетения – переплетения нитей. В связи с этим укажем, что в более позднее время на оленных камнях изображались пояса, украшенные ромбической сеткой [39, табл. 16, *66, 74, 79*]. Остатки тканых поясов в могильнике Чепкуль-9 (лесостепное Притоболье), по мнению специалистов, свидетельствуют о широком распространении этого элемента костюма на территории Западной Сибири в разные периоды у представителей различных этнических групп [40, с. 57]. По имеющимся данным, уже в III тыс. до н. э. население Среднего Прииртышья с помощью миниатюрных костяных иголок шило вещи из ткани [20, с. 136].

С учетом вероятного использования перевязей обратим внимание на семантически важную изобразительную деталь – подвязанный хвост коня. «Судя по изображению, нижняя половина хвоста ростовкинской лошадки последовательно перевязалась или переплеталась несколькими узлами от окончания репицы до соприкосновения волос с "постаментом"» [10, с. 173, фото 62, *1–5*]. Семантика узла весьма многообразна, но прежде всего сгущается вокруг идеи охранения. Сакральная сила узла – оберега – наращивается посредством дублирования. Не случайно обычная сеть с ее многочисленными узлами ячеек могла символически выполнять защитную функцию. Поэтому специально подчеркнем, что не только парные лошадки, но и ажурная ромбическая сетка рукояти также является частью общей декоративной композиции ножа из Сеймы. Если следовать традиционной интерпретации фигурок как изображений жеребца и кобылы, то в данном случае символика «узлов» ажурной сетки рукояти раскрывается в одном из универсальных приемов животноводческой магии. Узлы завязывали для повышения плодовитости скота. В традициях, знакомых с ткацким станком, например в славянской, часть холста с большим количеством узелков клали на голову корове при первом отеле или скармливали ей «ткаческие» узелки перед случкой [41, с. 56]. Возможно, по замыслу мастера, от гривы сейминской кобылы вниз спускаются именно магические привязи для повышения ее плодовитости.

Заключение

Ткачество и ткацкий станок, хорошо известные синташтинскому и петровскому населению, позволяют предполагать, что в период бытования сейминско-турбинских комплексов сфера сакрального пополнилась новой атрибутикой и соответствующими магическими приемами. Разумеется, эти новшества не исчерпали возможности традиционных видов магической практики. Однако сакральный инструментарий, который обеспечивал успех нового вида хозяйственной деятельности – специализированного коневодства,

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-44-51

насыщался атрибутикой, заимствованной из других прогрессивных технологий – металлообработки и ткачества. В этих культурных изменениях особо следует отметить роль дальнего (престижного) обмена, который в эпоху бронзы связал весьма отдаленные территории. В погребении № 588 могильника Сопка-2/4 были обнаружены бусы ожерелья из разных сортов камня среднеазиатского происхождения и керамический сосуд нестандартной ладьевидной формы, более свойственной традициям таежных территорий [20, с. 134, 163, 164]. Соединение в одном ритуальном сценарии специфических атрибутов из «северной» и «южной» традиций представляется достаточно показательным примером в ряду подобных свидетельств. Среди них особо выделим уже упомянутые бусины из нефрита и бирюзы в составе ожерелья из могильника у д. Ростовка, которое было помещено в комплексе с выгнутообушковым ножом. Статусная комбинация престижных атрибутов эпохи бронзы – нож, пояс, ожерелье – может быть сопоставлена с более поздним социально значимым сочетанием – меч, пояс, гривна.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Студзицкая С. В., Кузьминых С. В. Галичский «клад»: (К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии / отв. ред. М. А. Дэвлет. М.: Старый сад, 2001. С. 123–165.
2. Матющенко В. И., Синицкая Г. В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 136 с.
3. Молодин В. И. Новый вид бронзовых кинжалов в погребениях кротовской культуры // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1993. С. 4–16.
4. Молодин В. И. Феномен бронзовых кинжалов из погребальных комплексов кротовской культуры (хронология, территория распространения, истоки) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-6. С. 97–107.
5. Молодин В. И., Комиссаров С. А., Пэн В. Бронзовые наконечники копий сейминско-турбинского типа из Китая // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. (Барнаул, 2–7 октября 2017 г.) Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 715–716.
6. Эгертон Э. Индийское и восточное оружие. От державы Маурьев до империи Великих Моголов. М.: Центрполиграф, 2007. 294 с.
7. Вернер Э. Оружие Китая. Развитие традиционного оружия. М.: Центрполиграф, 2009. 157 с.
8. Молодин В. И., Нескоров А. В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3. С. 58–71.
9. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
10. Ковтун И. В. Предыстория арийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.
11. Носов К. С. Традиционное оружие Индии. М.: Эксмо, 2011. 384 с.
12. Винклер П. П. фон. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX в. М.: Софт-Мастер, 1992. 330 с.
13. Горелик М. Д. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). М.: Восточная литература, 1993. 352 с.
14. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
15. Соболев В. И., Панфилов А. Н., Молодин В. И. Кротовский могильник Абрамово-11 в Центральной Барабе // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири / отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: НГПИ, 1989. С. 37–51.
16. Молодин В. И. Оригинальные поясные пряжки эпохи развитой бронзы из Горного Алтая и Западно-Сибирской лесостепи // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая / отв. ред. В. Е. Ларичев, Линь Юнь. Новосибирск: Наука, 1994. С. 82–86.
17. Гришин А. Е., Марченко Ж. В., Кишкурно М. С., Галямина Г. И., Назарова Л. В. Новые погребальные комплексы эпохи бронзы в Новосибирском Приобъе (работы 2016 года в Кудряшовском бору) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. XXII. С. 269–273.
18. Гуревич Е. А. «Нож и ремень»: об одном неисследованном общем месте в древнеисландской прозе // Древнейшие государства Восточной Европы. 2018. № 2016. С. 82–96.
19. Байбурин А. К. Пояс (к семиотике вещей) // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. 45. Из культурного наследия народов Восточной Европы / отв. ред. Т. В. Станюкович. СПб.: Наука. Санкт-Петербургское отд-ние, 1992. С. 5–13.
20. Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
21. Комарова М. Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы / отв. ред. Т. Н. Троицкая. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. С. 76–90.
22. Бобров В. В., Волков П. В., Герман П. В. Утинкинское погребение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 4. С. 76–84.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-44-51

23. Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. 452 с.
24. Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья / под ред. А. В. Збруевой. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 121–178.
25. Гемуев И. Н. Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало-Алтаистика: Археология. Этнография. Язык / отв. ред. Е. И. Убрятова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. С. 137–143.
26. Саксон Грамматик. Деяния данов. М.: Русская панорама, 2017. 1224 с.
27. Геродот. История в девяти книгах. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 600 с.
28. Кирюшин Ю. Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае, отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: АГУ, 1987. С. 100–125.
29. Новгородова Э. А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989. 383 с.
30. Грязнов М. П., Комарова М. Н., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Пшеницына М. Н. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисее. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 200 с.
31. Поляков А. В. Ранние этапы развития эпохи поздней бронзы Среднего Енисея // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии / отв. ред. А. З. Бейсенев. Алматы: НИЦИА, 2013. С. 401–416.
32. Савинов Д. Г. ПНН: новые материалы и наблюдения // Южная Сибирь в древности / ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 57–66.
33. Пяткин Б. Н. Повозка – колесница – «скифский Арес» (трансформация семантики мотива) // Проблемы археологии степной Евразии: тез. докл. конф. (Кемерово, 1 января – 31 декабря 1987 г.) Кемерово: КемГУ, 1987. Ч. 1. С. 125–127.
34. Погодин Л. И., Полеводов А. В. «Шаманские» погребения могильника эпохи бронзы Боровлянка-XVII в Среднем Прииртышье // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье) / отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: КемГУ, 2003. С. 56–60.
35. Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 219 с.
36. Бадер О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964. 176 с.
37. Бадер О. Н. Бронзовый нож из Сеймы с лошадьми на навершии // Краткие сообщения Института Археологии. 1971. № 127. С. 98–103.
38. Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Калина, 1994. 463 с.
39. Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Науч. центр, 2002. 248 с.
40. Зах В. А., Глушкова Т. Н. Тканые пояса из саргатского кургана 7 могильника Чепкуль-9 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4. С. 57–66.
41. Валенцова М. М. Узел в традиционной культуре славян // Славяноведение. 2011. № 6. С. 53–59.

original article

Knife and Belt: Analysis of Seima-Turbino Bronze Weapons

Yuriy I. Mikhailov
Research and Production Association ArkheoPolis, Russia, Kemerovo
kerbalyk@yandex.ru

Received 5 Mar 2021. Accepted 26 Mar 2021.

Abstract: A bronze knife from the burial site near Rostovka village was found in a grave under the skull bones that belonged to a nine–ten-year-old child. Sopka-2/4B Krotovo necropolis has two burials, in which daggers were found under the bones of a child and a man. This ritual might have been associated with the belief that wearing a knife around one's neck behind one's back could make the owner invulnerable. Necklaces and belts are known to have a similar magic function. The Seima-Turbino tradition of belt weapons still remains understudied: in fact, no belt weapon has been described for this culture so far, as the belts might have been made of wool. Various weaving techniques are based on the materials of the Sinthashta and Petrovka sites. The newly-discovered images on the Seima-Turbino knives add new information to the known ceremonial practice.
Keywords: knife with curved spine, bronze dagger, bladed weapon, bronze items, loom, magic trick

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-44-51

Citation: Mikhailov Yu. I. Knife and Belt: Analysis of Seima-Turbino Bronze Weapons. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 44–51. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-44-51

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Studzitskya S. V., Kuzminykh S. V. The Galich "treasure": formation of shamanism in Northern Eurasia in the Bronze Age. *Worldview of the ancient population of Eurasia,* ed. Devlet M. A. Moscow: Staryi sad, 2000, 123–165. (In Russ.)
2. Matyuschenko V. I. Sinitsyna G. V. *The burial site by the village of Rostovka near Omsk*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1988, 136. (In Russ.)
3. Molodin V. I. New kind of bronze daggers in the burials of the Krotovo culture. *Military crafts of the population of Southern Siberia and the Far East*, eds. Medvedev V. E., Khudyakov Yu. S. Novosibirsk: Nauka, 1993, 4–16. (In Russ.)
4. Molodin V. I. The phenomenon of bronze daggers from burial complexes of the Krotovo culture (chronology, area of distribution, beginnings). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (2-6): 97–107. (In Russ.)
5. Molodin V. I., Commissarov S. A., Peng W. Bronze spear-heads of the Seima-Turbino type from China. *V (XXI) All-Russian Archaeological Congress*, Barnaul, 2–7 Oct 2017. Barnaul: AltGU, 2017, 715–716. (In Russ.)
6. Egerton E. *Indian and Eastern weapons. From the Maurya Empire to the Mogul Empire*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2007, 294. (In Russ)
7. Werner E. *Weapons of China. The development of traditional weapons.* Moscow: Tsentrpoligraf, 2009, 157. (In Russ.)
8. Molodin V. I., Neskrov A. V. Private collection of Seima-Turbino bronzes from the Irtysh: the tragedy of a unique site destroyed by unauthorized excavations. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, 2010, (3): 58–71. (In Russ.)
9. Chernykh E. N., Kuzminykh S. V. *Ancient metallurgy of Northern Eurasia: the Seima-Turbino phenomen*. Moscow: Nauka, 1989, 320. (In Russ.)
10. Kovtun I. V. *Prehistory of Indo-Aryan mythology*. Kemerovo: Asiia-Print, 2013, 702. (In Russ.)
11. Nosov K. S. *Traditional weapon of India*. Moscow: Eksmo, 2011, 384. (In Russ.)
12. Winkler P. P. von. *Weapon. A guide to the history, description and image of hand-held weapons from ancient times to the early XIX century*. Moscow: Soft-Master, 1992, 330. (In Russ.)
13. Gorelick M. D. *Weapons of the Ancient East (IV millennium – IV century BC)*. Moscow: Vostochnaia literatura, 1993, 352. (In Russ.)
14. Molodin V. I. *Baraba in the Bronze Age*. Novosibirsk: Nauka, 1985, 200. (In Russ.)
15. Sobolev V. I., Panfilov A. N., Molodin V. I. Krotovo burial ground Abramovo-11 in Central Baraba. *Cultural and economic traditions of the peoples of Western Siberia*, ed. Molodin V. I. Novosibirsk: NGPI, 1989, 37–51. (In Russ.)
16. Molodin V. I. Original belt buckles of the era of the High Bronze Age from the Altai Mountains and the West Siberian Forest steppes. *Ancient cultures of South Siberia and Northeast China*, eds. Larichev V. E., Yun Lin. Novosibirsk: Nauka, 1994, 82–86. (In Russ.)
17. Grishin A. E., Marchenko Zh. V., Kischkurno M. S., Galyamina G. I., Nazarova L. V. New Bronze Age burial complexes in the Novosibirsk Ob' river basin (researches in the Kudryashovsky Pine-Forest in 2016). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii*, 2016, XXII: 269–274. (In Russ.)
18. Gurevich E. A. "Knife and belt": an uninvestigated locus communis inold Icelandic prose texts. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy*, 2018, (2016): 82–96. (In Russ.)
19. Baiburin A. K. Belt (to the semiotics of things). *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. Vol. 45. From the cultural heritage of the peoples of Eastern Europe*, ed. Staniukovich T. V. St. Petersburg: Nauka. Sankt-Peterburgskoe otd-nie, 1992, 5–13. (In Russ.)
20. Molodin V. I. *Sopka-2 site on the Om' River: cultural and chronological analysis of the burial complexes of single culture*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2012, vol. 3, 220. (In Russ.)
21. Komarova M. N. A group of Eneolitic monuments on Yenisei. *Issues of Western Siberian archaeology. The Age of Stone and Bronze*, ed. T. N. Troitskaya. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1981, 76–90. (In Russ.)
22. Bobrov V. V., Volkov P. V., German P. V. The Utinka burial. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, 2014, (4): 76–84. (In Russ.)
23. Molodin V. I., Grishin A. E. *Archaeological site of Sopka-2 on the Om river. Vol. 4. Cultural and chronological analysis of the burial complexes of Krotovo culture*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2016, 452. (In Russ.)
24. Chernetsov V. N. Bronze of the Ust-Polui epoch. *Ancient history of Lower Ob River Valley*, ed. Zbrueva A. V. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1953, 121–178. (In Russ.)

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-44-51

25. Gemuev I. N. Some aspects of the bear cult and their archaeological parallels. *Uralo-Altaistics: Archaeology. Ethnography. Language*, ed. E. I. Ubriatova. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1985, 137–143. (In Russ.)
26. Saxon Grammar. *Acts of the Danes*. Moscow: Russkaia Panorama, 2017, 1224. (In Russ.)
27. Herodotus. *History in nine books*. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1972, 600. (In Russ.)
28. Kiryushin Yu. F. New burial grounds of early bronze on Upper Ob'. *Archaeological research on the Altai,* ed Kiryushin Yu. F. Barnaul: AGU, 1987, 100–125. (In Russ.)
29. Novgorodova E. A. *Ancient Mongolia (Some problems of chronology and ethnocultural history)*. Moscow: Nauka, 1989, 383. (In Russ.)
30. Gryaznov M. P., Komarova M. N., Lazaretov I. P., Polyakov A. V., Pshenitsyna M. N. *Kyurghenner – a Late Bronze Age cemetery in the Middle Yenisei region*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2010, 200. (In Russ.)
31. Polyakov A. V. Early stages of the development of the epoch of the Late Bronze Age of Middle Yenisei. *The Begazy-Dandybayev culture of Steppe Eurasia*, ed. Beysenev A. Z. Almaty: NITsIA, 2013, 401–416. (In Russ.)
32. Savinov D. G. PNN: new materials and observations. *Southern Siberia in antiquity*, ed. Savinov D. G. St. Petersburg: IIMK RAN, 1995, 57–66. (In Russ.)
33. Pyatkin B. N. From carriage to chariot and the Scythian Ares (transformation of motif semantics). *Problems of archaeology of steppe Eurasia:* Proc. Conf., Kemerovo, 1 Jan – 31 Dec 1987. Kemerovo: KemGU, 1987, pt. 1, 125–127. (In Russ.)
34. Pogodin L. I., Polevodov A. V. "Shamanskoe" burial ground of the Bronze Age of Borovlyanka-XVII in the Middle Irtysh River Valley. *Social-demographic processes in Siberia (Antiquity and the Middle Ages)*, ed. Bobrov V. V. Kemerovo: KemGU, 2003, 56–60. (In Russ.)
35. Soloviov A. I. *Weapons and Armor. Siberian weapons: from the Stone Age to the Middle Ages.* Novosibirsk: INFOLIO-press, 2003, 219. (In Russ.)
36. Bader O. N. *Ancient metallurgists of the Cis-Urals*. Moscow: Nauka, 1964, 176. (In Russ.)
37. Bader O. N. Bronze Knife from Seimya with horses on the overboard. *Kratkie soobshenya Instituta Arheolotgii*, 1971, (127): 98–103. (In Russ.)
38. Kuzmina E. E. *Where did the Indoaries come from? The material culture of the tribes of the Andronian community and the origin of the Indo-Iranians.* Moscow: Kalina, 1994, 463. (In Russ.)
39. Volkov V. V. *Stone stelaes from Mongolia.* Moscow: Nauch. tsentr, 2002, 248. (In Russ.)
40. Zakh V. A., Glushkova V. A. Woven belts from Sargat mound 7 at Chepkul-9. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, 2009, (4): 57–66. (In Russ.)
41. Valentsova M. M. Knot in the traditional culture of the Slavs. *Slavianovedenie*, 2011, (6): 53–59. (In Russ.)